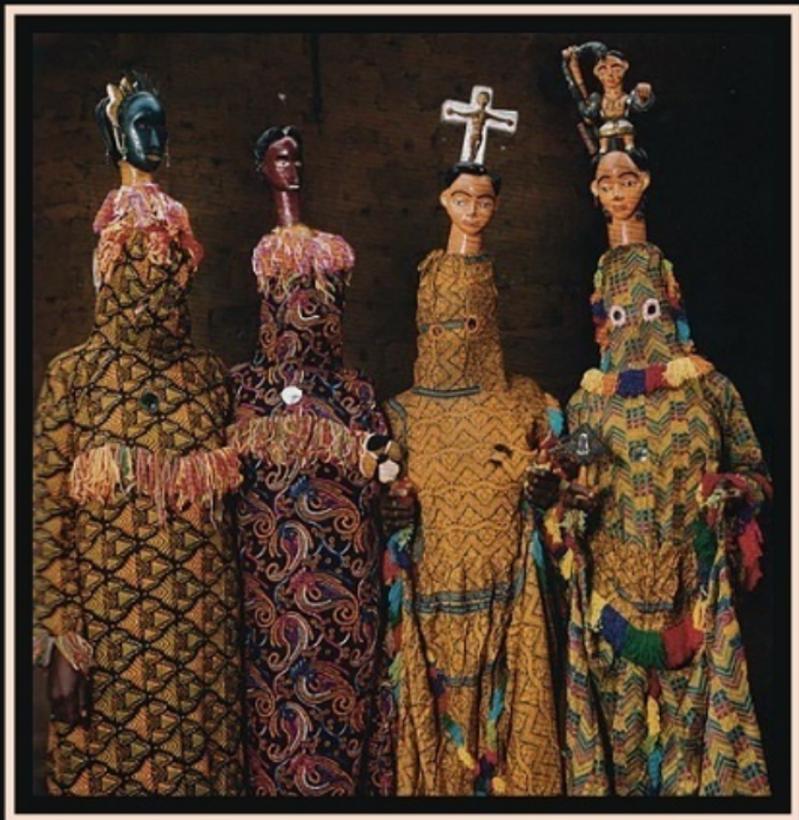

ЗОРА НИЛ ХЕРШОН

СКАЖИ МОЕЙ ЛОШАДИ

ВУДУ В ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ НА ГАИТИ И ЯМАЙКЕ

Зора Нил Херстон
Скажи моей лошади.
Вуду в обычной жизни
на Гаити и Ямайке.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70334182

Скажи моей лошади. Вуду в обычной жизни на Гаити и Ямайке:

ISBN 978-5-6048540-7-5

Аннотация

Книга, ставшая классикой американской антропологии, проклятая одними и воспеваемая другими коллегами Зоры Хёрстон, впервые выходит в переводе на русский язык. Путевые заметки Хёрстон с кладезем забавных историй, бытовых зарисовок и рассказов о местных обычаях и верованиях позволяют ощутить, чем жили люди на Гаити и Ямайке в 1930 х гг. прошлого столетия. В компании автора, готового посмеяться над собой, читатель поучаствует в охоте на вепря, побывает на острове Гонав, внемлет откровениям пациентов доктора Резера, а, главное, узнает, что же и кто должен «сказать» «лошади». Ну и конечно же, много ценной информации про зомби «из первых рук». Книга может быть интересна как антропологам, так и широкому читателю.

Содержание

I	6
II	19
III	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Зора Нил Хёрстон
Скажи моей лошади.
Вуду в обычной жизни
на Гаити и Ямайке

© ООО «Книгократия», 2023

Zora Neale Hurston "Tell My Horse"

Copyright © 1938 by Zora Neale Hurston

Copyright © 1967 by John C. and Joel Hurston

Copyright © 1981 by Turtle Island Foundation

I

Не куриное гнездо

Остров Ямайка в Британской Вест-Индии славен не только величавыми ущельями, поросшими яркой зеленью. Когда его знойная суша на северо-западе острова окунает свои прелести в море, такое запоминается.

Славна Ямайка своим «кустом». Нигде в мире не произрастает столько питательных и целебных растений, как здесь. У острова есть свой Норман У. Мэнли ¹ – блистательный мо-

---

¹ Норман Мэнли (1893–1969) – ямайский адвокат и политик, премьер-министр

лодой юрист, темнокожий близнец Уильяма Питта-младшего², ямайский аналог таких рыцарей американской юриспруденции, как Сэмьюэл Лейбовиц³ и Кларенс Дарроу⁴. Среди крестьян в моде «покомания»⁵ – кажется, можно перевести: «лёгкая форма помешательства». А вот Брат Леви переводит: «из ничего, да что-то». Нам ещё предстоит приглядеться к этому увлечению, учитывая его важность для большин-

---

Ямайки в 1955–1962 гг.* Здесь и далее примечания научного редактора.

² Уильям Питт-младший (1759–1803) – премьер-министр Великобритании в 1783–1801 гг.*

³ Сэмюэл Лейбовиц (Лейбович, 1893–1978) – американский адвокат, прославившийся своей защитой «девятки из Скоттсборо», девяти темнокожих молодых людей, в 1931 г. обвинённых в изнасиловании двух «белых» женщин.*

⁴ Кларенс Дарроу (1857–1938) – американский адвокат, участник ряда известных судебных процессов того времени. Среди них «дело Скоупса» или «обезьяний процесс» (школьный учитель в 1925 г. был обвинён в преподавании основ дарвиновской теории эволюции) и «дело Леопольда и Лёба» (два молодых человека из состоятельных семей с репутацией вундеркиндов в 1924 г. решили доказать себе и окружающим, что смогут безнаказанно похитить и убить 14-летнего мальчика). Скоупс был приговорён к штрафу, а Леопольд и Лёб – к пожизненному тюремному заключению.*

⁵ *Покомания (пуккумина)* – обозначение синкретических религиозных культов Ямайки, соединяющих элементы африканской «народной религии» и протестантизма. Ямайский антрополог Леонард Барретт (1920–2007) полагал, что местный культ предков *simina* родом из Африки в результате насыщения его рядом христианских образов превратился в *pukkumina*, а *кумина*, в свою очередь, он возводил к словам «одержимость» (*аком*) и «предок» (*ана*) на диалектах западно-африканского языка акан из нигероконголезской семьи. Возведение «покомании» к косному словосочетанию на испанском языке **poco mania* со значением «лёгкая форма помешательства» – пример «народной этимологии».*

ства островитян.

Крупнейшие лидеры данного культа – Матушка Сол (вышагивает так чинно, что позавидует сама Царица Савская), и Брат Леви – не менее колоритная личность.

Со слов последнего, культ затевался как потеха, но в конце концов был принят всерьёз. Изначально «покомания» была «сухой», стерильной, пока её не оросил некий «дух». Утоляя интерес к первобытным обрядам и музыке, я принялась ходить по разным ритуальным местам. На моих глазах была проведена чудесная церемония со свечами. На мой вопрос о смысле этого действия Брат Леви разъяснил, что мы совершаем марш в честь Иосифа, который, покинув пещеру, где родился Христос, шагал со свечой впереди Марии с Младенцем. Как известно, Христос родился не в яслях. Иосиф и Мария решили не рисковать. Он появился на свет в пещере и провёл там первые полгода жизни. Потому-то и не могли Его так долго отыскать трое волхвов, ведомых путеводной звездой. Он прятался в подземелье. Тогда волхвы провели магический ритуал, Иосифу явился ангел и оповестил его о желании волхвов видеть будущего Спасителя. То, что тёмный люд именует «рождеством», на самом деле день *встречи* с Христом. Богообщение, а не богорождение, насколько я смогла понять доводы Брата Леви.

Мне довелось побывать на нескольких заседаниях покоманов, в чьих головах бурлит солянка из креольской чёрной магии и христианства, проходивших под аккомпанемент

красивейшего хорового пения. Я посетила «Солнечные часы» – процедуру, которая длится целые сутки. С ворот, ведущих к месту проведения, свисали пальмовые ветки. Внутри храма стену за алтарём украшали газеты. Верующие собирались на воздухе вокруг стола, покрытого белым полотном. На земле, приманивая духов, горели свечи. Присутствовал и загадочный сосуд – залог, как мне сказали, неминуемого сошествия духа. В сопровождении паж-меченосца с деревянным мечом явился *Пастырь*. Следом, голося, шагал паж-крестоносец с распятием в руке. Далее следовал *Палач*, который должен карать за бездуховность ударом хлыста тех, кто сидит неподвижно. Проществовала и *Гувернантка*, отвечающая за поведение женщин, нечто вроде гаитянской жрицы-*Мамбо*. Ей также положено запевать духоподъёмные песни и вообще следить, чтобы народ не сачковал. Замыкал кавалькаду паж-пастушок, персональный оруженосец Пастора.

Протокол церемонии оживляют песни, шествия и пляски, а также крещения, проводимые в священных купелях на дворе. Не обходится и без чудесных исцелений – Матушке Сол пришлось сесть на оравшего малыша-китайчонка, чтобы излечить бесноватого. Танец между столов напоминает дыхательную ритмическую гимнастику. Самая волнующая часть церемонии – хороводы вдоль свечей, расставленных на земле в особом порядке. Вдохи и выдохи танцоров работают как музыкальный инструмент. Такова она – «покомания» – хотя бы в общих чертах.

Дворы-купальни прочно вошли в быт ямайских крестьян. Там можно принять ванну, а человек, управляющий таким местом, сочетает функции врача и духовного лидера. Если болезнь имеет естественное происхождение ⁶ – хворому прихожанину прописывают водные процедуры с добавлением лечебных трав, чьи названия и свойства известны только жрецу.

Но куда чаще причиной страданий является демон- *данпи*, и для изгнания злого духа нужно окунуться в воду. Купальня с реноме не знает отбоя от пациентов. Анонимные вожди простонародья установили правила на все случаи жизни, которым слепо следует их паства. Под контролем даже рождение человека и его смерть. Колыбель младенца и его самого защищают от вампиров особые знаки, наносимые синей краской. Когда его уносят, в пустой комнате оставляют Библию в раскрытом виде, чтобы отогнать злых духов, и так далее.

Если обряд достиг цели, накрывают столы с едой. Счастливый получатель божьей благодати не скупится на угощение. Никто, кроме духовенства и снабженцев не ведает, для чего всё это. Деревенскую еду принято запивать обильными дозами крепкого рома. Первейший и главнейший талисман – кусочек хлеба в стакане с водой – символ изобилия.

Экономическое положение Ямайки обусловлено сложным комплексом воззрений её многослойного общества.

---

⁶ То есть не является результатом насланной кем-то порчи. *

На этом острове даже петухи (не несущки!) несутся ⁷. При двух процентах белых в чистом виде, остальное население представляет собой гибридную смесь со всевозможными долями белой и чёрной крови. Вот в этом диапазоне петух и «сносит куриное яйцо». Островом владеют англичане, отсюда и англomanия его жителей Ямайки. В той или иной степени колонии всегда подражают метрополиям. К примеру, американцы обезьянят своих бывших хозяев ⁸ даже сто пятьдесят лет спустя после революции.

То же самое и здесь – каждый житель Ямайки как только может копирует английскую речь, манеры и внешний вид. Сложнее всего дело обстоит с последним. Прикрыть европейским костюмом африканское туловище – дело не такое уж хитрое, но придать африканской физиономии черты европейца почти невозможно. По крайней мере, за одно поколение. Поэтому все, кто на йоту верят в лучшую жизнь, уповают на будущее. Надо отметить, что грань, отделяющая темнокожих и белых англичан, не так остра, как барьер между темнокожим и мулатом. Последний дистанцируется от наследия предков с бешеной скоростью, мечтая вырваться из гущи темнокожего большинства, в которое вроде бы по общепринятым меркам ему надо включиться. Но здесь срабатывает память о вековом рабстве, а пиетет к расе господ пре-

---

⁷ В переносном смысле: определяющую роль в жизни ребёнка играет зачастую отец, а не мать (см. содержание остатка первой главы).*

⁸ Англичан (как известно, США вначале были британской колонией).*

одолеваются продолжительной чередой поколений. Пережиток колониализма. Добавьте к нему врождённый талант чернокожих к подражанию, и вы увидите, что вылупилось из яйца, «не курицей снесённого».

Не все мулаты появились на свет вне брака, но дело не в этом. Тот, в чьих жилах течёт смешанная кровь, живёт с пометкой бастарда. Тем не менее быть мулатом престижно вне зависимости от обстоятельств зачатия, которое подарило ему более светлую кожу. А система оценки его близости к белому типу всячески щадит его достоинство в этом щепетильном вопросе. И расспросы типа: «в кого это ты так посветлел?» ему не угрожают. Иногда европейское родство выглядит столь отдалённым, что вспоминается мюзикл Гершвина, где фигурирует «незаконная дочь незаконного сына незаконного племянника Наполеона»⁹. Если вместо «Наполеона» будет «англичанин», вы увидите амбициозного мулата во всей его светлокожей красе.

Допустим, ямайские помеси логичны и верны, допустим, что у темнокожего нет иной перспективы, кроме как раствориться в западном мире «белых». Так считал Фредерик Дуглас¹⁰. Если он был прав, тогда стремление чёрных в США

---

⁹ Этой «дочерью» оказывается Диана Деверо, героиня мюзикла «О тебе пою я» (1931) на музыку Джорджа Гершвина и стихи его брата, Айры Гершвина.*

¹⁰ Фредерик Дуглас (1817–1895) – американский писатель, идеолог борьбы против рабства. В отличие от идеологов «расовой» борьбы против «белого притеснения», Дуглас полагал, что темнокожее население США является американцами по рождению и христианами по воспитанию, а не африканцами, и после от-

сравняться с белыми во всех сферах, не меняя цвет кожи, никуда не годится. Может быть, целесообразнее свернуть наши лагеря ¹¹ и, пользуясь тем, что ночью все кошки чёрные, нарядиться в кожу белых братьев. Если это неизбежно, любовью шаг по «отбеливанию» является шагом в правильном направлении. Впрочем, я не претендую на знание – как разумнее, как лучше. Взгляду американского негра Ямайка является зрелище дивное. Мы словно бы отходим назад, в прошлое, в эпоху рабства или в первые дни освобождения, когда все привилегии чёрного сводились к побочному родству с хозяином и выбором между пахотой на плантации или должностью лакея в усадьбе. На современной Ямайке ребёнку, рождённому вне стен супружеской спальни, стыдиться нечего, это факт. Но маятник качается в обе стороны. Возможно, через пару сотен лет все без исключения вздохнут с облегчением, узнав, что чёрное большинство удалось отговорить от продолжения рода. Вот оно – уязвимое место в соблазнительной схеме. Присутствие чёрных, остающихся чёрными, будет напоминать мулатам, от кого они, собственно, произо-

---

мены рабства должно образовать с «белыми» гражданами единую этносоциальную общность американцев. Скандальную известность среди современников получил последний брак афроамериканца Дугласа (своим отцом, которого он не знал, Дуглас считал «белого» рабовладельца и по колониальным меркам мог считаться мулатом), заключённый в 1884 г. с «белой» американской писательницей и борцом за женское равноправие Хелен Питтс (1839–1903).*

¹¹ Автор книги, Зора Хёрстон, была афроамериканкой и, как заметит читатель, на протяжении книги не раз это подчёркивала.*

шли, вызывая фарсы, должны *выбешивать* ямайских *болдырей-между* здесь ¹².

Человек рождается чёрным или белым где угодно, но только на Ямайке он может быть чёрным по факту рождения и белым по заявлению. То есть: он законно *объявляет себя белым*. Когда я говорю «чёрный», я подразумеваю любого, в ком есть капля цветной крови, в нашем американском смысле этого слова: каким бы светлым он не казался, он знает, кто он есть на самом деле. Мне, например, рассказывали, какую панику вызвал визит покойного Джона Хоупа ¹³, президента университета в Атланте. Он посетил Кингстон в 1935 г. за несколько месяцев до своей смерти. Внешне он мало отличался от белого человека, и увидев, с какими почестями его встречали в кингстонском институте Рокфеллера ¹⁴, местные жители решили, что он и в самом деле чистокровный янки. После лекции последовал банкет в шикарном отеле «Миртл Бэнк», которому на острове нет равных. Всё шло по плану, пока мистер Хоуп не обратился к собранию с ответной речью, начав её со слов «Мы – негры»...

---

¹² Хёрстон иронизирует над положением мулатов (потомков мужчин из Европы и «коренных» жительниц Вест-Индских колоний), которые, в случае признания европейцами отцовства, становились полноправными гражданами колоний и получали образование (в отличие от «чёрных» бесправных рабов).*

¹³ Джон Хоуп (1868–1936) – американский педагог и идеолог борьбы за права темнокожих, сын купца из Шотландии и родившейся вне рабства «цветной» американки.*

¹⁴ Университет, расположенный в столице Ямайки – Кингстоне.*

Часть аудитории оказалась на грани обморока. Ведь оратор выглядел светлее отборных мулатов, считавших свою белизну пределом мечтаний. Но если даже такой беляк называет себя негром, кто же тогда в таком случае они? Слова заокеанского гостя прозвучали как сообщение об эпидемии чумы. Разумеется, среди них были и натуральные белые – англичане, американцы, чьи мысли я бы с удовольствием почитала. Ещё с каким.

В положении, когда ты белый по переписи, но цветной по всем иным статьям, есть свои занятные обмолвки. Англичане считают, что, если кому-то приятнее и комфортнее, живя *в этой колонии* считаться официально белым, окей – по бумажке ты светлокож. Так и запишем. На публике англичане общаются с притворщиками с подчёркнутой вежливостью и радушием, начисто игнорируя их в частной и светской жизни. А их наглухо чёрные собратья так же не забывают, откуда эти белые выцвели. Что именно ты такой светлокожестью выгадываешь, мне не совсем ясно. «Люди с бодрым цветом кожи» – так окрестил отщепенцев Джордж Бернард Шоу во время своего недавнего визита на Ямайку.

Отсюда снова возникает вопрос к тому, как яйца несутся не в курином гнезде. Когда темнокожая женщина рождает от англичанина или шотландца, о ней желательно вспоминать как можно реже. Но не дай бог тебе забыть про белого отца, каковы бы ни были обстоятельства твоего зачатия. «Мой папа это, мой папа то, и вообще, мой папа – англосакс, чтоб вы

знали», сплошные отцы, как будто деторождение по-ямайски обходится без женского участия. *Чёрная кожа – эмблема печали*, которой предосудительно щеголять или любоваться. Джентльмены беременеют от джентльменов, как не утопично это звучит. Высадились на острове, соорудили по гнезду, снесли себе яйца и высиживают будущих ямайских «светляков».

Однако грядут иные времена, и они не за горами. Мало-помалу чернокожая Ямайка начинает себя уважать. Заметно возрастает интерес к африканскому культурному наследию – песням, танцам, народной мудрости и сказаниям об Ананси ¹⁵. Ямайские пословицы и прибаутки насыщены юмором, иронией и философским смыслом. Судите сами:

1. Камешку на дне летом не жарко («Сытый голодного не понимает»).
2. Пятнистую свинью за семь лет не отмоешь («Черного кобеля не отмоешь добела», «Горбатого могила исправит»).
3. От острой шпоры и конь запляшет («Нужда научит»).
4. Хворь въезжает на коне, а уходит пешком (заразиться болезнью проще, чем вылечить её).
5. Любая салфетка мечтает стать скатертью («Нет солдата,

---

¹⁵ Ямайские народные сказки о похождениях хитроумного человека-«паука» (буквальное значение слова «ананси» на западноафриканском языке *акан*), божества Ананси, родом из Африки, аналога древнегреческого бога мудрости письма Гермеса. Опубликовано на английском языке в 1924 г. американским этнографом Мартой Беквис (1871–1959). По мотивам этих сказок был снят советский мультфильм «Паучок Ананси» (1970).*

который не мечтает стать генералом»).

6. Быку рога не жмут («Своя рубашка ближе к телу»).

7. Ты виноват, раз оказался в клюве птички, червячок («Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать», «Кто сильнее, тот и прав»).

8. Хочешь вкусно есть – говори приятное («Умей подмазать»).

9. Свои же на Ямайку продадут («Ближний – враг твой»).

10. От дури – собака, кабан – жизни для [носится как угорелый] («Не забавы ради», «Уже не до шуток»).

11. Пальцем всегда тычут в кого-то («Каждый видит чужие недостатки»).

12. Мешок на спине не чувствует, как она ноет («Скрипит воз, а везёт кобыла»).

Всего три года назад такие пословицы, как и всё чисто ямайское, считались субкультурой тёмных слоёв населения.

Супруга Нормана У. Мэнли, настоящая англичанка ¹⁶, запечатлевает ямайские образы в скульптуре. Её работы выделяются силой замысла и изяществом воплощения, подкреплённого мастерством. Отдавая предпочтение туземным моделям, она навлекла на себя гнев «белых по бумажке», чьё невежество и чванство не допускают, чтобы африканец из плоти и крови был объектом полноценного искусства. Между тем работы миссис Мэнли выставлены в галереях Нью-Йорка.

---

¹⁶ Эдна Мэнли (в девичестве Свисенбэнк, 1900–1987) – ямайская художница и скульптор.*

орка, Лондона и Парижа. Большая статуя часть всё ещё про-
падает в Кингстоне, но про них уже написало «Вест-Индское
обозрение» – голос мыслящей Ямайки. Это обнадеживает.
Наряду с позитивной деятельностью сестёр Бейли ¹⁷, пред-
принимательством братьев Мейкле и растущим авторитетом
клуба «Перо и Чернильница», всё это помогает раскрыться
коллективному духу ямайского племени. И очень скоро на
фоне этого ренессанса броскому глянцу *Не куриного Гнезда*
предстоит потускнеть.

---

¹⁷ Вероятно, имеется в виду деятельность ямайского педагога, борца за права женщин и равноправие темнокожего населения Ямайки Эми Бейли (1895–1990). В 1936 г. вместе с сестрой Ии ой Бейли ею была основана организация «Женщины без предрассудков».*

II Козье карри

Во всём мире нет места красивее, чем приход Святой Марии на Ямайке. Точнее, это целая волость, чьей жемчужиной является порт, хотя райских уголков там и кроме него найдётся немало. Создатель всего сущего потратил массу энергии, доводя до совершенства эту часть славного острова. Море здесь небесной голубизны, а скалистое побережье с зеленью и мысами – наглядный пример того, на что способна

природа, когда ей не мешают ¹⁸. Если Ямайка – культурная столица всей Вест-Индии ¹⁹, то Святая Мария – пейзажная столица острова. И люди там живут гостеприимные, начитанные, подвижные умом и телом.

Для меня они сделали то, чего никогда бы не сделали для другой гостьи. Меня угостили козлятиной в соусе карри ²⁰.

А это по всем статьям строго мужское лакомство. Даже во время танца *шей-шей*, когда поют песни после трапезы, за женщину поёт и пляшет представитель сильного пола.

Угощение состоялось в среду вечером в холостяцком жилище Си Ай Магнуса с видом на его банановую плантацию. Мне сказали, что Доктор Лесли, Руперт Мейкле и два его симпатичных брата, а также Ларри Коук и кое-кто ещё, вперёд запаслись первоклассной козлятиной для приготовления коронного блюда. Не знаю точно, кто сколько вложил в это удовольствие, но угощение оказалось обильным.

Мы, а именно: Доктор Лесли, Клод Белл и я выехали из Сент-Мери на авто Клода. Затем к нам присоединился Ларри Кук, и мы покатали навстречу приключениям. Сразу за по-

---

¹⁸ Этот прибрежный район на северо-западе Ямайки подразумевается при описании «прелестей» острова в начале первой главы.*

¹⁹ Вест Индия – обозначение островов Карибского моря в эпоху колониализма. (ряд островов, в том числе Ямайка, принадлежали Британской империи, см. зачин первой главы).*

²⁰ Блюдо ямайской кухни, впитавшей африканские, европейские и индийские кулинарные традиции, имеющее индийское происхождение (см. прим. о *гандже* в этой же главе).*

воротом возникла арка из плетёных пальмовых ветвей. Потом попадались новые, пока мы катили к беседке (тоже плетёной из ветвей), оказавшейся недостроенной. Вокруг сидели люди, очищая новые пальмовые ветки. Под навесом возле ворот приплясывали три женщины. На голове у каждой красовался слоёный пирог. Один покрывала вуаль. Помимо танца пирожницы распевали что-то вроде «пускай *чужак*²¹ войдёт». Это продолжалось до тех пор, пока старуха не остановила жестом одну из них. От прикосновения *старшой* та изящно вынырнула из хора, скорыми шагами пересекла двор и скрылась в усадьбе. Вскоре в том же порядке её примеру поочерёдно последовали и две других.

Что это у них тут происходит? – поинтересовалась я у Клода Белла, услышав в ответ, что наш визит совпал с деревенской свадьбой на стадии подготовки. Будучи суперинтендантом гособъектов Сент-Мери, Клод Белл известен всем местным. Он представил нас жениху, и тот с энтузиазмом пригласил нас войти. На мой вопрос, каким образом он вычислил жениха, суперинтендант Клод ответил – по гордой осанке. К тому же в обязанности новобрачного входит встреча гостей и приём поздравлений.

Войдя в дом, мы увидели пироги, в особом порядке разложенные для ночной церемонии. Рядом с самым здоровым пирогом стояла свеча, которой, по обычаю, предстоит гореть

---

²¹ Вероятно, известное во многих традиционных культурах иносказательное обозначение жениха (ср. русское «чуж чуженин» в значении «жених»).*

до рассвета. Пирог под вуалью символизировал важность предстоящего события для невесты. Собственно, лежала там белоснежная шёлковая фата, и смотрелась она весьма торжественно. Меня представили робкой молоденькой невесте, и мы обменялись рукопожатием с женихом, получив приглашение на второй день мероприятия.

Но вернёмся к плантации Магнуса и козьему карри. Туда мы попали на закате солнца, застав компанию опередивших нас гостей. Возле костра под деревьями манго священнодействовали трое индусов. Хозяин выкатил несколько кварт *T.T.L.* Ром этой марки считается лучшим на острове. Меня предупредили, что еда без него – пустое дело, даже если это такой деликатес, как козье карри. Луна в тропических краях светила вовсю, под соседней купой деревьев я разглядела музыкантов, который ждали от хозяина вечера команды начать.

В итоге собралось около тридцати человек, включая несколько весьма милостивых полу-китайнок. Повара объявили, что всё готово. И мы направились к столу. В ожидании ужина мы успели познакомиться и побродить при луне, болтая о том о сём.

Выдавать порции обязан кто-то один и только он. Кто-то настаивал на кандидатуре Ларри Кука, но популярнее оказался доктор Лесли. Заняв место во главе стола, он приступил к делу. В конкурсе прозвучали песни, сказки, а также занятные истории из жизни, порой прямо относящиеся к ко-

му-то из участников пира. На первое был подан суп из петуха, под стать мужской компании. Затем мы ели барана с рисом. Не овцу, заметьте, а именно барана. После баранины (не слабого пола) настал черед банановых клёцек в рыбном соусе *сурува*. К третьему блюду мы раздухарились. Ведь каждое лакомство запивали тем самым ромом.

Диву даёшься, как игриво стал вести себя народ. Люсиль Вонг ела из ложки Джей Ти Робертсона. Реджинальд Бекфорд пытался представлять гостей обществу, но был так сбивчив, что его речь заглушали взрывы хохота.

Звание лучшего рассказчика заслужил Руперт Майкл, второе место занял его брат.

Снаружи заиграла музыка, и мы выбежали на звуки оркестра. Туземных музыкантов надо не только слушать, но и видеть. Они танцуют примерно столько же, сколько играют и поют. Как я уже говорила, в ансамбле нет солистки, но её изображает один из участников, специально обученный для этой роли. Зрелище, скажем прямо, на любителя, но смотрится убедительно. Варварские телодвижения сопровождается чуткий и чёткий ритм. Прозвучали такие народные шлягеры, как «Десять фунтов», «Ослик хочет пить», «Салям» и «Салли Браун»²². Музыка под хмель и грубая, но для тан-

---

²² Эти и другие ямайские народные песни, до сих пор пользующиеся популярностью, были изданы английским музыкантом и собирателем фольклора, автором критических работ о Библии (до оставления сана в 1880 г. – священником) Вальтером Джекилом (1849–1929) в сборнике «Ямайская песня и рассказ» (1907). Героя повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хай-

цев – самое оно. Следует помнить, что козье карри – пища для сильных духом, и бабья грусть здесь неуместна.

Мы поспели домой, чтобы чуток прикорнуть перед брачной церемонией (её назначили на полдень следующего дня).

К храму, где намечалось венчание, гостей подвозила одна машина. Невесту доставили последним рейсом. После неизбежных проволочек брак был заключён, и все участники церемонии направились чествовать молодожёнов.

Я остро чувствовала, как важна этим простым деревенским людям атмосфера таинств и романтики. Жених и невеста знали друг друга с детства, и совместная взрослая жизнь была закономерным итогом их отношений. Понятное дело, что в таком банальном житейском сюжете вроде как не должно быть места таинству, и вряд ли супруги откроют друг в друге что-то ослепительно новое. И всё-таки в воздухе парил дух тайны, стараниями как соседей, так и виновников торжества. Смотрелось это как кружева на заборе, но и стремление этих людей сделать жизнь прекрасней было очевидно. На Ямайке такое происходит постоянно. Длительные добрачные отношения в конце концов завершаются свадьбой. Но всё же часто не хватает денег. Не на оплату свидетельства о браке, а на организацию полноценного свадебного торжества. Накопление необходимой суммы продолжается при наличии детей. И всё это время пара живёт и работает как законные муж и жена.

да» (1886) Стивенсон назвал в честь своего друга Джекила.*

В доме веселились от души – пили, ели, балагурили. Заправлял всем тамада. Лицо невесты скрывала фата. Её так ни разу и не приподняли. Тамада открыл аукцион на право первенства в этой деликатной процедуре. Кто дал больше, тот и заглянул под покров. Утоление любопытства обошлось ему в шесть шиллингов. Серьёзная сумма для крестьянина, удивилась было я, но мне тут же разъяснили, что при таких играх под шиллингом подразумевается пенс. Торги продолжались ещё какое-то время, и каждый усердно делал вид, что ему ох как хочется полюбоваться вроде как девственно-юной свежестью того, что скрыто под фатой.

Когда с лица невесты сняли фату, мы покинули праздник. Жених взял с нас слово, что мы придём на «благодарение». Церемонию совершают на восьмой день после свадьбы. Все собираются у церкви ещё раз полюбоваться изяществом и красотой избранницы. В том числе и пастор с мировым судьёй. Они читают супругам лекцию о правилах семейной жизни. Только в этот раз новобрачная вместо фаты щеголяет шляпкой особого фасона. Счастливая чета благодарит земные и небесные силы за всё что было, есть и будет.

Однако на «благодарение» мы не попали, благополучно отчалив в летнюю резиденцию Клода Белла.

Там, на другой день, когда я отдыхала, любуясь видом на море, меня отыскал юноша с северо-востока Ямайки. Не помню точно, как так вышло, но мы заговорили о странностях любви. От него я узнала, что женщина, избрав карьеру,

теряет женские качества. Вас, американок, настаивал он, погубили собственные мозги. Но и в остальном западном мире женская доля не лучше. Трагедия, по его мнению, в том, что при таких задатках и миловидности мы малопригодны как собственно женщины. После этих слов я выпрямила спину в уютном кресле, потребовав пояснений. Юноша явно пел с чужого голоса о вещах, знакомых ему чисто понаслышке.

– Нет, не «понаслышке»! – парировал сельский знайка. – Что я – мальчик? То, о чём я говорю, видно невооружённым глазом.

– Гнусный поклёп. Так и быть, валяйте, а я погляжу, куда заведут вас такие мысли.

– Ох уж эти грамотные европейки! Боятся роли, к которой предназначены! Так никчёмны, аж тошно делается! Нам, мужчинам, при решении глобальных задач ваш умишко ни к чему. А на деле надо ещё выяснить, имеется ли он у вас вообще. Правда, есть среди вас и те, кто шарит по ломбардам, выкупая мужские ловкие фразы и афоризмы, чтобы выдать их за свои собственные. Быть настоящей женщиной можно только рядом с гениальным мужчиной, но вам этого ох как не хочется.

Я хотела было назвать имена гениальных представительниц моего пола, но меня перебили.

– Эх, вы – куры слепошарые! Ходите под дамбой, не имея сил взлететь на гребень и увидеть, что это там шумит, с другой стороны. А там бушуют волны бескрайнего моря! И го-

лос морской стихии кажется курочкам просто громким шумом. Открыв лишь частицу истины, они довольствуются ею до конца дней, так, словно узнали всю правду жизни. И умирают под стеной, так и не повидав необъятную стихию. Для них она просто шум не пойми откуда.

– Значит, по-твоему, все женщины тупицы, как я погляжу?

– Не все. Как правило, те, кто считают себя умнее всех. А западные мужчины тоже непонятно куда смотрят, позволяя вам губить и себя и других.

Я отреагировала неодобрительным фырканьем, вложив в этот бессловесный звук всё своё презрение.

– Европейские мужчины, а американцы тем паче – знают толк в любви не хуже любого из вас.

Теперь хмыкнул уже он.

– Ничего они не знают ни о любви, ни о том, как устроена жизнь.

– А как же Бернард МакФадден ²³? – ввернула было я.

Он снова фыркнул и продолжил. Это, мол, единицы, да

---

²³ Бернард Макфадден (1868–1955) – американский писатель, пропагандист здорового образа жизни, который он понимал как сочетание физических нагрузок с правильным питанием (периодическое лечебное голодание, отказ от мяса и пшеничной муки). Был владельцем несколько «здравниц» (*healthathorium*), школ и вегетарианских столовых. Будучи противником официальной медицины, не допускал врачей к своим детям (из восьми двое умерли – порок сердца его дочь до смерти в 20-летнем возрасте лечила физическими упражнениями, а сын в младенчестве не перенёс лихорадки).*

и то по вершкам. Он сильно упирал на то, что мы пренебрегаем тем, что сам Бог велел. Мол, надо ещё удивляться, как европейки не разучились жить в супружестве и с другим полом сходиться. То ли дело Ямайка, где все знают, как это делается.

– И как же вы в этом деле лучше остальных насобачились? – съехидничала я, и он тотчас зарядил: благотворное влияние Востока на ямайскую культуру и мысль, а её духовное превосходство над янки пареньку, опять же, очевидно. Выпалив эти слова, он откланялся и направился к машине, припаркованной во дворе. Но от меня просто так не уйдёшь. Поймала у самой двери авто и потребовала продолжения дискуссии. Заметив мою готовность слушать без ёрнических похмыкиваний, он согласился. Разговор получился долгим. Вернее, говорил он, а я донельзя уважительно слушала. Пока не укатил, я узнала от него, что есть особые специалистки, консультирующие девиц по любовным вопросам. Такое практикуется не по всей Ямайке, но и не является тайной для жителей острова. Покажите мне это, взмолилась я. Гость обещал задействовать свои связи, чтобы дать мне увидеть сие действие вблизи своими глазами. Меня действительно подселили на две недели к практикующим, и я смогла кое-что узнать. В этом районе Ямайки действуют несколько таких инструкторш, но в курсе их занятий только посвящённые.

Инструкторы – всегда женщины, и в возрасте, гарантиру-

ощем богатый и утонченный опыт. Овдовев, они получают возможность вернуться к активной жизни, давая полезные советы тем, чья взрослая жизнь только начинается.

Собираясь замуж или в наложницы к влиятельному лицу, девица проходит необходимую для такой роли подготовку у «бабушки». Желательно в одной девушке совместить абсолютную невинность с прожжённой искущённостью. За образование дебиютантки отвечают профессионалки.

Несколько дней старуха к ней не прикасается, натаскивая ученицу с помощью поэтапных лекций. Среди прочего, ненавязчиво приучая к спартанским способам соития. Мягкие постели не для страсти, а чтобы мягко лежалось пожилым и тем, у кого уже *увяло*. Кроме того, каждая поза должна быть манящей. Встречая входящего в опочивальню господина, партнёрше надлежит касаться пола только плечами и ступнями ног. Не разлёживаться, как корова, и не кутаться в простыни, как воришка базарный, свистнувший с прилавка шмат требухи. Точную позу вырабатывают у девицы раз за разом, показывая пример. Та должна упражняться, пока не готова принимать её непринуждённо. В дополнительные курсы входит выработка мышечного контроля, как снаружи, так и *внутри*. Опять изнурительные упражнения. До тех пор, пока юная кандидатка не усвоит всё необходимое.

Наступил последний день. День свадьбы. Старухи окунают невесту в горячую ванну с травами. Только этим бабушкам известны растения, необходимые для ритуального омо-

вения девственницы перед свадьбой. Задача водной процедуры – полное удаление всего нехорошего в теле и душе, что может в противном случае омрачить брачную ночь. Причём на данном этапе принято обходиться без мыла. Горячая ванна стимулирует организм, выводя сквозь кожу дурные примеси. После «парной» подопечную укутывают, чтобы она хорошенько пропотела, а потом отмывают по всем правилам банного ремесла, мылом.

Затем начинаются тонкости. На Ямайке растёт трава под названием *кус-кус*. Сладковатый аромат её кореньев чрезвычайно соблазнителен. С головы до ног невесту, не забывая пальчики рук и ног, а также бёдра, натирают заранее приготовленным экстрактом этой прелести, сопровождая её нанесение искусным массажем всех частей тела помимо бюста. Наконец, приходит и его черед. Окунув обе груди в целебный отвар, их массируют круговыми движениями пальцев от основания к соскам. Далее следует деликатная и результативная стимуляция чувствительных зон с помощью тёплого пера. Грудь девицы набухает и твердеет, покуда все остальные члены тела расслаблены.

Но и это ещё не конец. Черета искусных прикосновений к другим органам – и юная леди уже вся млеет. Её приводят в чувство порцией рома с листиком *ганджи*, «зерна мудрости», завезённого на Ямайку с берегов священной реки Ганг²⁴. Дева оживает, и массаж продолжается. Очередной обмо-

---

²⁴ *Ганджа* (गंजा) – новоиндийское название конопли (точнее, одного из её ви-

рок, и вот она снова приходит в себя. Но мысли её далеки от трудовых будней. Она сознаёт проходящее смутно, лёжа на небесах. На облачка любовных мечтаний она легко опирается только ступнями и плечиками.

«Бабушка» снова с ней заговаривает, вкратце повторяя то, что говорила и делала целую неделю.

«Чувствуешь, как тебе не по себе, томишься? Потому что дело твоё покуда не выполнено! Покуда не случится этого, не будешь счастлива, чегой-то не будет хватать. Но удастся ли, это уж от тебя зависит. Дело у тебя на свете – счастливей не сыщешь! Исполни как положено. Всё, что от женщины надо – полюбить да умирить. Не для чего другого тебя и не задумывали. Любить да сладко делать. Только так себя и разумей. Будешь делать, как я научила – на твоей стороне и боженька на небесах и муженёк, который тебя в дом возьмёт, чтоб любила и услаждала. Для того и берёт, не для чего ещё. Того-то и хотят мужчины от женщин – любви да мира да улады. Смотри, его не подведи».

Пожилая наставница ещё раз повторяет основные моменты. Настаивает – не надо бояться. Если будет девушке больно, значит, не получилось, не выучила то, чему обучали, ти-

---

дов, наряду с *бангом* и *чарас*), восходящее к её санскритскому названию *ганьджа* (गङ्गा). Созвучие с названием реки Ганг (с иным звучанием и написанием) послужило основой упомянутой Хёрстон «народной этимологии». На Ямайке конопля стала возделываться с середины XIX в. благодаря прибывавшим туда наёмным рабочим из Индии, а в английский язык слово *ganja* вошло в колониальную эпоху ещё раньше (уже во второй половине XVII в.).*

хонько всё повторяя. *Бояться нечего*. Любовь, она ведь никого не убила. А вот красоту да счастье подарила. Наставница повторяет это снова и снова.

Напрягая расслабленные члены девицы, старуха берёт широкой плат белой ткани и крепко обматывает ею чресла девушки пониже пупка раза четыре, аккуратно фиксируя крепко-накрепко булавками. Обмотана она крепко, и на первый взгляд это незачем. А покуда обматывают, девица орёт: «К муженьку заберите меня, скорее!» Но старуха делает вид, что не слышит. Только знай себе тычет да гладит ей разные места умело.

Покончив с туалетом невесты, её одевают в свадебный наряд, пока старушка громким шёпотом оповещает купальщицу о высоком жребии женщины, как важна её роль в продолжении жизни на планете, и что *не надо упрямиться*, а потом выводят навстречу гостям и жениху. И кого же они видят – пугливое создание, трепещущее под фатой? Она вся напряглась, находясь в смятении перед неизбежным? Ничуть! С каким нетерпением и с какой величавостью шествует эта юная штучка!

III

На секача!

Если вы оказались на Ямайке, непременно посетите Акомпонг, где живут маруны ²⁵ под предводительством Полковника Роу – человека и смышлёного и с задорным нравом. Предупреждаю заранее – поосторожней с косоглазой и пуза-

---

²⁵ Маруны – потомки беглых рабов, веками жившие в укреплённых военных поселениях в колониях Вест-Индии. Хёрстон касается ряда тем, затрагиваемых в книге «Змей и радуга» Уэйда Дэвиса, русскоязычное издание которой было подготовлено издательством в 2022 г., но мы будем стараться избегать буквального повторения примечаний.*

той мулицей (прислали её, чтобы мне легче было подниматься в гору).

Полковник Роу добр, и я ценю его гостеприимство. Увы, мулица не разделяет такого радушия. Она не сбросила меня лишь потому, что я свалилась сама. А укусить меня, лягнуть или растоптать копытами я не дала ей, бросившись потом наутёк. Явно собралась гнаться за мной по горной тропе, но на моё счастье её обуздали люди полковника. Завидя моё бегство, мулица встала на дыбы, и вся сбруя, кроме уздечки, оказалась на земле. Что ей во мне так не приглянулось? Скорее всего, щегольский галстук канареечного цвета. Боюсь даже думать, что я просто рожей не вышла. Сразу стала на меня тарашиться. Одно могу признать – мулица с самого начала не скрывала враждебности. Я почувствовала, как только залезла на неё.

Похоже, в то, что мы можем стать с мулицей подругами, из нас двоих верила лишь я. Проскакав верхом около полумили, остаток пути в горный Акомпонг я проделала пешком.

Прежде всего, меня поразила обстановка непроходимой старины, царящая тут. Стоя на парадном плацу, переоснащённом в крикетное поле, я ощущала, как плотно обступают меня поколения усопших предков нынешних жителей. Нет сомнений, в Аккомпонге возникло старейшее в Вест-Индии вольное поселение, основанное теми, кого избавила от пут рабства собственная отвага и находчивость. Мужество и дерзость марунов проходят красной нитью через всю историю

Ямайки. И всё же, глядя в океан за Чёрной рекой с высоких гор Святой Катрины, я не могла не вспоминать, как далеко шагнул вперёд на здешних землях самый сильный народ на свете, насколько выросла эта страна с тех пор, как первый беглый раб нашёл приют в этих ямайских горах. А ведь они пришли сюда задолго до высадки пилигримов на блеклые берега Массачусетса. Ныне эти берега омывают два океана. Они растянулись на тысячи миль, лишь Акомпонг чем был, тем и остался.

Резиденция Полковника Роу на время стала моим приютом. Цель и причина моего визита, что было заметно, вызвали недоумение. Он рассказывал, как однажды у него ночевал доктор Херсковиц ²⁶, а кто-то ещё провёл три недели, изучая местные танцы (попутно высчитав, во сколько такое обходится). День за днём я не решалась называть цель своего визита. Полковник предложил устроить народные празднества лично для меня. Я его поблагодарила, дав понять, что постановочные действия мало интересуют исследователя с моим стажем полевой работы. Мне ли не знать, насколько далека вся эта экзотика от чего-то неподдельного. Кто-то из местных сообщил мне дату большой мистерии марунов – шестое января. За день до начала они уходят в горные леса и спускаются оттуда в костюмах и масках на звуки *Абенга* – ритуального горна из морской раковины. Далее следует

---

²⁶ Мелвилл Херсковиц (1895–1963) – американский антрополог, один из основателей африканистики в США.*

день *Афро-Караманте* – праздник танцев и песнопений, завершаемый поеданием вяленой свинины – главного деликатеса на острове Ямайка.

На первых порах я делала общие наблюдения. Мне хотелось увидеть, каковы они на самом деле, эти маруны. Как у них – самоуправленцев, обстоят дела с образованием, транспортом, медициной и демократией. Хотелось увидеть местную культуру и художественное самовыражение марунов. Узнать о старинных методах врачевания, о которых раньше слышала. О растительных ядах и противоядиях. Поэтому я просто сидела и ждала, сознавая, что если попрошу показать что-нибудь конкретное, будет показано нечто вне своего естественного обрамления.

Акомпонг не единственное поселение марунов, но только с ним заключили договор англичане ²⁷. Сейчас в нём обитает около тысячи граждан, которыми, по марунским обычаям и законам, управляет Полковник Роу. Система в целом примитивная, но, как мне было сказано, градоначальник жаждет её модернизации. Чему мешают вялость местных марунов и их игнорирование реалий внешнего мира.

Простой пример – во всём Акомпонге не сыщешь ни одной печи. Здесь варят, жарят и греют утюги на открытом огне. И кухарничают со всем женщины, вдыхая дым костра, по-

---

²⁷ К середине XVIII в. благодаря Первой войне с марунами Акомпонг на северо-западе Ямайки стал укреплённым городом марунов, признанным колониальными властями.*

куда сидят на корточках. На моё предложение первым показать своим землякам, как живут цивилизованные люди, Полковник ответил, что такая роскошь ему не по карману. Импортная техника украшает хорошие дома богатых горожан. Согласившись с этим, я предложила иной вариант: давайте соберём печку своими руками! Изобразив некое устройство, я показала чертёж хозяину, который тотчас же велел раздобыть цемент и камень, отправив в город ходока для покупки листовой жести для дымохода и горелок. Отверстия были проделаны строго по диаметрам кастрюль, кои в хозяйстве Полковника имелись в количестве трёх штук. Центральный паз – для самой большой железной кастрюли, а по бокам – для двух поменьше. Раздобыв немного извести, он послал внуков во главе с будущим зятем на сбор камней. Почти зять смешал глину с известью, и через день подобие печи было готово. Пола в кухонном помещении вообще не было, и мы поставили печку под стеной, соорудив и полку для незанятой посуды. Отверстия в печи покрыли жестью, чтобы кастрюли не царапали известку. Когда цемент засох, мы провели испытание, с радостью убедившись, что всё работает. Поглазеть на это чудо сбежались соседи. Воздух в комнате был без чада, в кастрюлях булькали бобы, а обильный дым валил в трубу, выведенную наружу.

На строительстве объекта я подружилась с хозяйским внуком по имени Том. Симпатичный и трогательный юнец. Не по возрасту развитый крепыш, он вынужден жить у деда, по-

тому что матери у него нет, а папаше самому жить не на что. Безвольный и неблагодарный лодырь, тот обошёлся Полковнику в уйму денег, и всё коту под хвост. Том – не самый любимый среди внуков, и живётся ему среди баловней деда, скажем прямо, несладко. Беднягу могут безнаказанно пнуть, прибить и даже, сама видела, обжечь. Трое кузенов – дети младшей дочери Полковника, его фаворитки, им прощается всё. Ребёнок был так тронут крупницей моей доброты, что его хотелось усыновить. На мой вопрос, как можно так жестоко третировать малыша, я услышала отговорку всех извергов, иначе, мол, из него вырастет бандит. Дурные наклонности. Стало быть, над ним издевались ради его же светлого будущего.

Мимо наших ворот по горной дороге то и дело проходили с виду не местные.

– Хворый люд, – пояснил мне Полковник.

Акомпонг – известная здравница и лечебница, славится своими целителями. С одним из главных меня вскоре познакомили.

– Этот тип метит во власть, и он прохвост, но своё дело знает, – предостерёг меня Полковник Роу.

Позднее я смогла удостовериться в точности такой характеристики. Этот изумительный доктор действительно метил в вожди. Однажды он уже пробовал провозгласить себя верховным, ссылаясь на старый договор с англичанами. Из этого ничего не вышло, но он продолжает темнить с Полковни-

ком, несмотря на внешне дружеские отношения. Благодаря которым, собственно, мы и познакомились.

Вначале разговор касался привычных для Ямайки тем. Брата Ананси, он же Паук, грандиозной личности для западноафриканской культуры, который известен на Гаити под именем *Ti Malis*, а в Штатах как *Братец Кролик*²⁸. Ещё говорили о полчищах злых духов-*даппи*²⁹ и как их выявить. В основном они обитают в кронах миндальных и хлопковых деревьев. По этой причине обе породы нежелательно высаживать вблизи от дома, чтобы не вздумали духи по дому бродить. Даппи излучает тепло, и если у тебя от жары пухнет голова, значит демон где-то рядом. Жуть как из-за них голова распухает. Но если ты пьёшь чай на змееголовнике, они тебя не тронут. Тьма тьмущая даппи витает в комнате – выпил чай, и заходи. Будешь целёхонький.

Всплыл и *Ухающий мальчик* или *Пастух-сова* (говорят, что он дух со своим коровьим стадом). Увидеть и услышать его можно не раньше августа. Далеко слышать его уханье под щелчки кнута, когда он пасёт своих коров на том свете, по-

---

²⁸ Братец Кролик стал героем выходявших с начала 1880-х гг. сборников «сказок дядюшки Римуса», записанных на основе преданий рабов американского Юга (восходящих к западноафриканским) американским писателем Джозефом Харрисом (1845–1908).*

²⁹ Наряду с «покоманией» (искажённое *пакумина*), понятие родом из Африки (сравнивают со словом *дупе* со значением «призрак, [злой] дух» на западноафриканском языке *бубе*). Далее Хёрстон описывает различные виды злых духов в фольклоре Ямайки.*

вергая в ужас и живую скотину.

Конь-тренога появляется перед самым Рождеством. Как сказала мне одна из местных, «при жизни коняшечка *ентот* дрожки с покойничками возил», а теперь его смена с часу ночи до четырёх утра. В такую рань он прочёсывает дороги и может, чего доброго, напасть. А спрятаться можно, только нырнув под забор. Если ты перелезешь, он его тоже перемахнёт и продолжит погоню.

На последних словах мужчины переглянулись с улыбкой. «Тренога сроду никого не обидел», – заверили меня они. Девушки боятся, но встреча с ним абсолютно безопасна. Просто ему тоже хочется повеселиться на Рождество. Когда крестьяне маршируют, нацепив маски лошадей и коров, Конь-тренога, прикрыв копыта саваном, шагает среди них, так сказать, инкогнито. Правда, ежели приглядеться, его можно вычислить по количеству ног – две спереди, а сзади всего одна. И ходит, подсакивая: *ти-кум-тум! Ти-кум-тум!* В других частях Ямайки эту сущность кличут «Аурелия-треножница», поджидая коня с того света для участия в ночном карнавале. Ведут обряд его встречи двое танцоров и двое певцов, и проходит всё довольно мирно.

В итоге, на основе услышанного я убеждена, что «конь о трёх ногах» – символ эротический, и почитание его было частью западноафриканских обрядов инициации для мальчиков (при наступлении половой зрелости). Всем женщинам это существо внушало страх. Им просто полагалось его бо-

ваться. Чего не скажешь о мужчинах. Кто знает, возможно под маской разгула таится культурная традиция, достойная изучения. Однако мне определённно дали понять, что моя половая принадлежность закрывает доступ к деталям этой культуры. Мне положено знать не больше, чем остальным женщинам. На Гаити мне также не удалось выяснить ничего определённого о тамошней разновидности «Сосьете де труа-жам» (Общества «Три ноги»).

Однако наибольшее почтение островитянам внушает *Гремучий Телец*. Он вездесущ, молниеносен, и в огромных глазах горят огни. Избавиться от него невозможно, поскольку это кара, ниспосланная жителям Ямайки свыше. Водится он в основном в сельской местности, парализуя страхом ночных прохожих, на которых он бросается с вершины холма. Но сильнее всего он калечит не людей, а собак (не кобелей, а сучек).

Стоит ей заскулить, хозяин выбегает на двор и видит только огненный шар, исчезающий вдаль. А утробу собаке он уже изувечил. Щенят не будет. Чудовище хорошо видать в лунном свете на пажитях, посещаемых им беспрепятственно.

После двух ночных собеседований знахарь-травник перешёл к тайнам своего ремесла, и очень скоро мне довелось стать очевидицей применения его талантов на практике. Я узнала об ужасных и целебных свойствах мясистых листьев винограда «*опоссум*» и могуществе растения «*госпожа уда-*

ча». Как оказалось, он прекрасно разбирался в свойствах этого вредоносного сорняка. Я увидела, как он работает с фасолью *кассада*, *конской баней*, *усни-проснись* и *горькой маржо*. Завари пять листочков «конской бани», добавь щепотку соли, выпей, и твои почки как по мановению ока очистятся. Завари шесть, и тебе конец. Горькая маржо – вид плюща, растущий на скалах, но тот, что длиной с локоть, даёт целебный чай. А прутик длиной с ладонь вызывает жесточайшее отравление. В качестве слабительного знахарь использует хорошо настоенный отвар коры дерева *Джессами*. Выпей стакан, и начнётся пятидневное очищение организма без спазмов и потери сил. Первые позывы ровно через двенадцать минут после первого приёма.

Он водил меня к «божьему дереву». Так здесь называют мексиканскую лаванду. При сотворении мира именно оно стало первым деревом на земле, гласит придание. Дерево познания добра и зла. Место общения знахаря с божьим деревом находилось с подсолнечной стороны. Мы приходили туда не раз. Целью одного из визитов было противодействие козням врагов моего гида. Он вынул крупный гвоздь и загнал его по самую головку в древесину. Сделав это, он бросил орудие наземь и поспешно отошёл, не оглядываясь. Затем велел мне принести оставленный молоток.

Чтобы жертва чудовищно распухла от яда этой самой лаванды достаточно прикоснуться щепкой этого дерева к её влажной коже. Я имела возможность удостовериться в этом

воочию. Невидадь какая-то.

Мы отправились проведать больную девушку. Мать хворой девицы не жаловала колдуна, но другой врачебной помощи в обособленном Акомпонге нет. Тяжёлый случай, – сказало местное светило, бегло осмотрев пациентку, и тут же пообещало её исцелить. Для этого потребуется срубить папайю, что росла прямо под окном спальни. Матери идея не понравилось, оно кормило её плодами, а других фруктовых деревьев поблизости не было.

– Руби! – приказал знахарь. – Так надо. Во-первых, произрастая рядом с домом, растение высасывает у его жителей соки. Во-вторых, посмотри, какое оно высокое. Когда дерево становится выше, чем дом, это к покойнику.

– Хорош заливать, – отмахивалась мамаша. – Причём тут дерево? Не можете вылечить, так и скажите, мы другого лекаря пригласим. А если знаете, что делать, оставьте нашу несчастную папайю в покое, и давайте-ка лечите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.